

ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ
Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

КОГДА РАССЕЮТСЯ ТУЧИ...

С Орханом¹ гуляем по улицам Шамкира.

Пасмурно. Небо холодное и черное, как ночь.

– Здесь – родина твоей мамы, – говорю. – А моя родная сторона – далеко.

Орхан не расспрашивает, – я сам все это рассказываю ему.

– …Здесь твоя будущая мама в школу ходила. Во-о-он там школа. Но мы с ней познакомились в Баку, в университете… а потом я умотал учиться в Москву. Оттуда уже примчался в Шамкир… И мама твоя поверила, что я ее люблю.

Вот, гляди, гостиница. Тут я остановился. Раньше здесь парка не было.

– Ты тоже ходил в школу?

– Ну да. Только не здесь, а в своем селе. Будь возможно, я бы повез вас в те края, показал бы приволье, где я ягнят пас, траву косил. И поехали бы обязательно весной. Скажем, в начале июня. Когда с шелкопрядом возня закончится. Терпеть не могу помета шелкопряда. Покатили бы поездом… Сперва купили бы билет на станции метро «28 Мая», где всегда шум-гам, толчея, и пахнет сосисками и гарью.

Прогулялись бы по вокзалу. Поглядели бы на бегающих туда-сюда носильщиков, ищущих клиентов. Потом по микрофону услышим голос диктора: «Внимание! Граждане пассажиры! Начинается посадка на поезд номер....» Знаешь, вокзал будит во мне ностальгические чувства… Наверно, потому, что напоминает о встречах, разлуках и расставаниях, о том, как люди приходят в мир и уходят… Мне кажется, что человек находит свое счастье на вокзалах… И на вокзалах же теряет…

¹ Шестилетний сын автора

Поехали бы семьей, в одном купе. Я бы пропустил сто грамм по случаю расставания с Баку и предстоящей встречи с моим селом. До утра не сомкнул бы глаз. А проснувшись, увидел бы, что мы уже на станции Дашибурун. По мере приближения к Горадизу, все кажется мне роднее, теплее. Там живут отцовские двоюродные братья, сестры. Наконец, покажутся стога и скирды сена на околице Беюк Мерджанлы. Там – родня моей матери. Чуть дальше – Ашагы и Юхары Мараляны, еще дальше – на склоне серых холмов – Кархулу, Джрафарабад. Вот они позади. Сердце у меня заходилось от нетерпения, поскорее бы увидеть родное село. Сельское приволье, воздух исцелял меня – будь какая-либо хвороба. Дышишь – не надышишься. После – урочище Чай-агзы, сады, питомник «Тохмачар» и, наконец, ниже дома Габиля – новехонькие дома Мамиша и его родни, дальше – жилища Гулу, Эйниша, переезд, где дежурил сельчанин Бегляр, дом Соны, а на отшибе – дом моего дяди, и наш собственный отчий кров. «Нэнэ»¹ моя, по обыкновению, услышав шум проходящего поезда, выйдет к воротам, – до Аракса рукой подать, – и глядела, всматривалась в вагоны, в надежде встретить кого-то из нас, сыновей, из города прибывших. Мы уехали без году неделя, а ей казалось, что вот-вот, не сегодня-завтра спозаранку кто-то родимый и прикатит по дороге железной восвояси, и она обрадуется как дитя. Мы приезжали, махали ей рукой еще из вагонов, а она, не разглядев нас, понуро плелась обратно во двор... «Не вернулись...» – думала. В глазах у нее всегда таилась дума-печаль, может, потому, что братья ее умерли еще мальцами. И нас она воспринимала и как сыновей, и как замену братьям. Часто внушала нам: «Сестрино сердечко – ранимое». И укоряла нас за холодность к нашим сестрам. Говорю, говорю, – и комок к горлу.

– У тебя же нет «нэнэ», – замечает Орхан.

Я не придаю этому значения. Для меня сейчас все в образе прошедшего времени.

Некоторое время мы идем молча.

¹ Нэнэ – бабушка; здесь – мать. Во многих азербайджанских говорах «нэнэ» – обращение к матери.

– Отец, рассказывай, а что дальше будет, что нам встретится…

– На сей раз нас бы «нэнэ» не встретила…

Ну, хоть бы Сона-хала, Тамаша-хала… Но Сона-хала умерла, я поздно узнал, не смог поехать, проводить в последний путь… Да… так вот… приеду, бывало, напоследок окликаю Таира, Бахтияра, Хагани: готовьте удочки, крючки, на рыбалку махнем. А они спрашивают: «Мяч привез?» «Как же без мяча!» С утра, не позавтракав, бежим к Араксу, рыбку ловить… «Нэнэ» мне вдогонку кричала: «Сынок, ты бы хоть кусок хлеба съел!» Куда уж, лечу, как на крыльях.

Потом мы взошли бы на урочище Ял-оба. Проходили бы через дядин сад. Испили бы воду из родника Симузар, – холоднющая, зубы ломит… Оттуда, с гребня увала – виден Иран. Родина нашего прадеда – «Аслан-дюз». Прадед наш некогда присоединился к племени «шахсеван».¹ Двадцать лет, при власти Николая, бунтарствовал, по горам-по долам в гачагах ходил, а под конец и на Юге не ужился, подался сюда и, переходя через границу, был убит в перестрелке с казаками. Надо же так случиться: в тот самый день его дядя Фархад привез из Шуши бумагу о помиловании.

Там, на гребне же, остался заброшенный старый трактор ДТ-75, ездил на нем Тапдыг, теперь покойный. Мы, ребятня, обожали покататься на тракторе. Он ползет, как черепаха, пашет землю, а мы кайфуем.

Ну, наведались бы в сад Махмуда. Дальше покосы, я косил там траву. Вышли бы навстречу сельчане. «Добро пожаловать! Твои ли эти мальцы?» Я бы, довольный, кивал головой. Они, наклонившись, чмокнули бы вас, маленьких-удаленьких. Допустим, если осенью мы туда махнули, тогда бы виноградом полакомились из сада Мохбата. Без спросу, разрешения. А вот Билал-ами я побаивался.

Из арыка, снабжавшего подворье Гулу, я отводил воду в сад… когда жажда донимала – сбегали к коллектору, к самой кромке, на колени припав, пьем всласть… А вот тебе такую воду пить не посоветую… Мама отругает…

¹ «Шахсеван» (букв.) «любящие шаха», т.е. приверженцы.

В саду у Имрана нарвали б ягод, и смородины черной... А еще из желудей, знаешь, ожерелье делали. Спустившись по пыльной дороге с косогора, можно пердохнуть в тенечке под одиноким тутовым деревом. Там у «Алыхандейи» – «Канавы Алы» – копошились землекопы, черные, как черти. Я бы вас постращал: «Вот не будете учиться как следует, придется и вам париться как они...» Но это так, не всерьез. А в душе я уважал всех этих работяг, они берегли, лелеяли землю, обихаживали ее.

Повстречались бы нам мальчишки, пасущие овечек. Я бы их приветил, порасспросил, чьи они дети. Идаята ли, Видади ли, Мобиля ли, Ахлимана ли... То есть моих бывших сотоварищей... И овечек пасли, и дрались, и в прятки играли, и в «хаш-маш».

Пойдем дальше, к урочищу «Гаджи-йери». Там мы с Рауфом чуть было открытие не совершили. Хотели вырыть родничок, ковыряли, ковыряли, и пропустила вода с нефтью.

– С нефтью? – удивляется Орхан.

– Но... наше «открытие» лопнуло, как мыльный пузырь. Примесь оказалась обычной соляркой от трактора.

Орхан явно разочарован таким исходом. Да и мы сами повесили носы, когда поняли, в чем дело.

...Постоим у реки, там, где перекат, полюбуемся на сверкающие под солнцем стайки рыбешек, ты, конечно, загоришься: «Отец, поймай мне одну рыбку...» Думаешь, легко это? Там еще есть островок, с заливными лугами. Вот где разгуляться с серпом, с косой... И баранте – объеденье. Там твой отец пастушествовал, косарил...

Еще и хлопок собирали с девчатами из Черекена...

Правда, не таким уж радивым хлопкоробом был я, случалось, сбегал, сачковал.

С лесистого бугра приграничье – как на ладони. Граница очерчена колючей проволокой. Я, помнится, подбирался, трогал рукой ржавые колючки... Пограничники нас всерьез не принимали.

Вдоль поймы Аракса труба тянется. Перешагнув ее, мы топали к питомнику «Тохмачар».¹

Там, наверно, наш Бегляр опять косой орудует. Косит траву. Мы бы подошли с тобой. Привет-ответ, как живется-можется, трудяга? Дом Гюльнисы, с другой стороны – подворье Миркиши. Посмеялся бы, вспомнив, как я тут с Назимом сено не поделил, сцепился…

Ну и футбол, конечно. Погоняли бы мяч на лужайке… А ты бы «аутчиком» работал.

– Да ну-у! – обижается Орхан. – Я позавчера команде Надира пять голов вколовил…

…Ладно, говорю, слушай… Едешь поездом, колеса весело стучат, чечетку отбивают, трак-так-так, та-та-так-так… Эх, все это было… было, да сплыло… быльем поросло…

– Почему сплыло? – удивляется сын.

– Враги заграбастали… Пятеро братьев нас, а мать, ждавшую нас, не смогли защитить…

Говорю, и глаза наливаются слезой, и сквозь туман проступает дальний берег Аракса, и у ворот нашего дома стоит наша седая мама, не дождавшаяся сыновей… Когда-то вот так же она стояла на берегу, беременная мною, и живущая ожиданием моего рождения… И я в те времена, еще до рождения, прислушивался к ее душе, думам, и обретал облик, соответствующий ее чаяньям. И потому, наверно, я пошел в маму. И любовь моя к братьям и сестрам моим согрета той пронзительной нотой, что мы все вышли из единой утробы, из материнского лона, и мама так же, как меня, носила их в себе, под сердцем, а после лелеяла и пела те же колыбельные песни, кормила молоком из той же груди, ласкала, забавила теми же руками, любила тем же маленьkim и верным сердцем, – и при этой мысли я преклоняюсь с нежностью к моим братьям и сестрам. Не представляя всего этого, не додумываясь до сокровенной сути кровной общности, причастности к единой

¹ Тохмачар – саженец тутового дерева.

любви, породившей тебя и их на свет, наверно, нельзя проникнуться любовью к ним... Ты обречен любить их, как бы продолжая в себе родительскую любовь к ним.

– Когда я вырасту, я прогоню врагов из тамошних мест, – говорит мой сын с детской наивностью и решимостью.

– Да... и когда мы вернемся в наше село, то обязательно перевезем останки матери моей туда... чтобы похоронить рядом... с моим отцом.

Так говорю сынишке и ташу его за руку. Спешу вернуться домой. Открываю железную дверь. Вхожу во двор.

Навстречу мне выбегают квочки пенсионного возраста. Какая там погода, у нас в селе? – думаю. – наверно, солнышко выглянуло, – заключаю сам за синоптиков. А на улице – сырьо, к дождю.

На одинокие могилы, наверно, сеется дождь...